

ЧЕХОВ И БАХТИН: ДВУГОЛОСООЕ СЛОВО В «КРЫЖОВНИКЕ»

НАЯН ТАРА

Аспирант, Центр русских исследований, Университет им. Джавахарлала

Неру, Нью Дели, 110067

Chekhov and Bakhtin: Double-Voiced Discourse in “Gooseberries”

NAYAN TARA

Research Scholar, CRS, SLL&CS, JNU, New Delhi – 110067

Аннотация: В статье анализируется рассказ А.П. Чехова «Крыжовник» через теоретические рамки М.М. Бахтина. В центре внимания находятся понятия диалогизма, полифонии и разноречия. Здесь его классификация трех типов слов используется для изучения художественной структуры данного рассказа. Впервые эти понятия были разработаны в работе Бахтина, в которой он рассматривал поэтику Достоевского.

Концепция полифонии Бахтина означает наличие нескольких голосов в тексте. Эти голоса не подчиняются единому авторскому голосу или точке зрения. Как и в «Крыжовнике» Чехов представляет не только голос или точку зрения Ивана Ивановича. Он также передает голос его брата Николая Ивановича и ведет диалог с более общей социальной средой. Эти голоса сосуществуют и взаимодействуют в диалогической форме, рождая многослойную этическую размышления.

Особое внимание уделяется двуголосому слову и высказываниям, в которых одновременно существует авторский голос и направленность на чужое слово. В таких моментах Чехов налаживает внутреннюю диалогическую связь и выявляет напряжение между различными идеологическими позициями. Использование в рассказе противоположных речевых жанров и интонаций служит дополнительным примером разноречия. Под этим явлением Бахтин понимал, что язык несет в себе приметы различных социальных голосов и мировоззрений.

Цель данной статьи заключается в освещении повествовательных особенностей рассказа Чехова «Крыжовник» с учетом теоретической концепции Бахтина. Этот анализ также подчеркивает, что смысл в рассказе Чехова не возникает под влиянием единственного авторского голоса. Он возникает в результате взаимодействия множества голосов. Такое диалогическое взаимодействие занимает центральное место в теории Бахтина.

Ключевые слова: Бахтин, Чехов, Двуголосое слово, Диалогизм, Полифония, Разноречие.

Abstract: This article analyses the short story “Gooseberries” by Anton Chekhov through the theoretical framework of Mikhail Bakhtin. The study focuses on the concepts of dialogism, polyphony, and heteroglossia. Bakhtin’s classification of three types of discourse is used here to examine the artistic structure of the story. These concepts were first developed in Bakhtin’s work on the poetics of Dostoevsky.

Bakhtin's concept of polyphony implies the presence of multiple voices within a text. These voices are not subordinated to a single authorial voice or point of view. Similarly, in "Gooseberries" Chekhov presents not only the voice or perspective of Ivan Ivanovich but also conveys the voice of his brother Nikolai Ivanovich, engaging in a dialogue with the broader social environment. These voices coexist and interact in a dialogic form, producing multilayered ethical reflections.

Special attention is given to double-voiced discourse and to utterances in which the authorial voice simultaneously interacts with another's word. In such moments Chekhov establishes an internal dialogic connection and reveals tensions between different ideological positions. The use of contrasting speech genres and intonations in the story provides an additional example of heteroglossia. By this phenomenon Bakhtin understood that language carries traces of various social voices and worldviews.

The aim of this article is to highlight the narrative features of Chekhov's "Gooseberries" considering Bakhtin's theoretical concept. The analysis also emphasizes that meaning in Chekhov's story does not arise from a single authorial voice but from the interaction of multiple voices. Such dialogic interaction occupies a central place in Bakhtin's theory.

Keywords: Bakhtin, Chekhov, Double-Voiced Discourse, Dialogism, Polyphony, Heteroglossia.

Антон Павлович Чехов (1860–1904) написал рассказ «Крыжовник» в 1898 году. Он был впервые опубликован в том же году в журнале «Русская мысль». В этом произведении писатель обращается к сложным вопросам человеческого счастья, моральной ответственности и социальной равнодушности. Повествовательная структура рассказа организована таким образом, что в тексте сосуществуют различные точки зрения и ценностные позиции. Благодаря этому повествование приобретает многоголосный характер, в котором различные мировоззрения вступают в скрытый диалог друг с другом.

Такое взаимодействие различных голосов и точек зрения в художественном тексте стало предметом особого внимания в работах русского философа и литературоведа М.М. Бахтина. Его исследования посвящены анализу того, как в литературе формируются сложные отношения между авторской речью, речью персонажей и чужими идеологическими позициями. Бахтин рассматривал художественный текст как пространство смыслового взаимодействия различных сознаний, где ни одна точка зрения не существует полностью изолированно.

Для анализа подобной структуры художественного текста особенно продуктивной оказывается теория Бахтина, который рассматривал язык и литературу как область взаимодействия различных голосов. Анализ сосредоточен на понятиях диалогизма, полифонии и разноречия, которые описывают сложную систему взаимоотношений между различными формами речи внутри литературного произведения. Эти идеи получили наиболее последовательное теоретическое обоснование в работе Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», где исследователь анализирует особенности полифонической структуры художественного текста.

Важным элементом бахтинской теории является концепция высказывания, разработанная им в эссе «Проблемы речевых жанров», опубликованном в сборнике «Эстетика словесного творчества». В этой работе Бахтин рассматривает язык не как абстрактную систему знаков, а как

форму человеческой деятельности, реализуемую в конкретных ситуациях общения. По его мнению, использование языка непосредственно связано с различными сферами человеческой деятельности, поскольку «все многообразные области человеческой деятельности связаны с использованием языка» (Бахтин, 1979, с. 250). Язык проявляется в форме конкретных речевых актов, так как «использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной области человеческой деятельности» (Бахтин, 1979, с. 250).

В этом контексте высказывание выступает не просто как языковая единица, а как социально и исторически обусловленный акт общения. Его структура определяется тематическим содержанием, стилем и композиционным построением, которые «неразрывно связаны в целом высказывания» (Бахтин, 1979, с. 250). Каждое высказывание возникает в определённой коммуникативной ситуации и предполагает реакцию адресата, что делает его частью непрерывного диалогического процесса. Именно поэтому смысл текста формируется не изолированно, а в процессе взаимодействия различных голосов внутри социальной коммуникации.

Диалогическая природа языка, по Бахтину, проявляется в том, что каждое слово существует в поле уже сказанных и потенциальных высказываний. Как отмечает исследователь, «ведь всякое конкретное слово (высказывание) находит тот предмет, на который оно направлено, всегда, так сказать, уже оговоренным, оспоренным, оцененным, окутанным затемняющею его дымкою или, напротив, светом уже сказанных чужих слов о нем» (Бахтин, 1975, с. 89–90). Следовательно, каждое новое высказывание неизбежно вступает в диалог с уже существующими позициями. Поэтому «живое высказывание, осмысленно возникшее в определённый исторический момент в социально определённой среде, не может не задеть тысячи живых диалогических нитей... Оно и возникает из него, из этого диалога, как его продолжение, как реплика» (Бахтин, 1975, с. 90). Таким образом, любое высказывание изначально включено в сеть диалогических отношений с другими голосами и смыслами.

В рамках данной теории особое значение приобретает понятие диалогических отношений. Бахтин подчеркивает, что они возникают не на уровне абстрактной логики, а в сфере конкретных речевых взаимодействий. Как он отмечает, диалогические отношения «не сводимы и к отношениям логическим и предметно-смысловым, которые сами по себе лишены диалогического момента. Они должны облечься в слово, стать высказываниями, стать выраженными в слове позициями разных субъектов, чтобы между ними могли возникнуть диалогические отношения» (Бахтин, 1963, с. 205). Следовательно, диалогичность проявляется только там, где сталкиваются выраженные в слове позиции различных сознаний. Смысл формируется в процессе их взаимодействия и взаимной ориентации. Таким образом, высказывание становится местом встречи и соотнесения различных голосов.

С этой точки зрения важным инструментом анализа художественного текста становится предложенная Бахтиным классификация типов слова. Исследователь выделяет различные формы словесной направленности, позволяющие выявить взаимодействие различных голосов внутри повествования. При этом он подчеркивает условность и динамический характер такой классификации: «Конкретное слово может принадлежать одновременно к различным

разновидностям и даже типам. Кроме того, взаимоотношения с чужим словом в конкретном живом контексте носят не неподвижный, а динамический характер: взаимоотношение голосов в слове может резко меняться, однонаправленное слово может переходить в разнонаправленное, внутренняя диалогизация может усиливаться или ослабляться, пассивный тип может активизироваться и т. п.» (Бахтин, 1963, с. 221–222). Это позволяет рассматривать художественную речь как подвижную систему взаимодействующих голосов.

Теоретическая рамка: типология слов у Бахтина

Для более точного понимания диалогической природы художественного текста Бахтин разрабатывает типологию слова, основанную на характере его смысловой направленности. Эта типология позволяет выявить различные способы взаимодействия авторского и чужого слова в структуре повествования. В рамках данной концепции исследователь различает несколько типов словесных высказываний, которые отличаются степенью самостоятельности и формой их соотносённости с чужой речью. Рассмотрение этих типов слова позволяет глубже понять механизмы формирования многоголосия в литературном тексте и служит важным теоретическим инструментом для дальнейшего анализа художественной структуры рассказа Чехова «Крыжовник»

I. Прямое слово

Первый тип слова Бахтин определяет как прямое, непосредственно направленное на свой предмет слово, которое выражает окончательную смысловую позицию говорящего. Это слово полностью сосредоточено на предмете высказывания и не ориентировано на чужое сознание или чужую речь. Оно выполняет функцию называния, сообщения или выражения мысли, предполагая непосредственное понимание адресатом. Как отмечает Бахтин, такое слово рассчитано «на непосредственное же предметное понимание» (Бахтин, 1963, с. 209). Его основная задача состоит в том, чтобы ясно обозначить предмет, передать информацию или выразить оценку без скрытых смысловых взаимодействий с другими голосами.

Таким образом, прямое слово представляет собой выражение последней смысловой инстанции говорящего и не содержит элементов внутренней диалогичности. Оно формирует завершённую и однозначную позицию, не предполагая полемики или взаимодействия с чужим словом. В этом смысле прямое слово является характерным проявлением монологического типа дискурса, где смысл воспринимается как завершённый и окончательный. Подобная структура отражает стремление монологического мышления к семантической стабильности и однозначности, поскольку слово полностью направлено на предмет и не вступает в диалог с другими высказываниями.

II. Объектное слово (слово изображенного лица)

Второй тип слова Бахтин определяет как объектное слово, то есть слово изображённого лица. Оно представляет собой речь персонажа, которую автор включает в художественный текст как чужую и отличную от собственной позиции. Наиболее распространённой формой такого слова является прямая речь героев. Как отмечает исследователь, «наиболее типичный и распространённый вид изображенного, объектного слова — прямая речь героев» (Бахтин, 1963,

с. 209). Эта речь может иметь собственное предметное значение, однако она существует в тексте как объект авторского изображения и осмысления.

В структуре художественного текста объектное слово характеризуется социально-типической определённой, поскольку речь героя передаётся как выражение определённого характера, социальной среды или мировоззрения. При этом внутри одного контекста могут существовать два речевых центра, авторский и персонажный. Как подчеркивает Бахтин, «в авторском контексте прямая речь, допустим, одного героя, перед нами в пределах одного контекста два речевых центра и два речевых единства: единство авторского высказывания и единство высказывания героя. Но второе единство не самостоятельно, подчинено первому и включено в него как один из его моментов» (Бахтин, 1963, с. 209). Таким образом, речь персонажа сохраняет видимость самостоятельности, но в действительности она включена в авторский замысел и не обладает полной смысловой автономией.

III. Слово с установкой на чужое слово (двуголосое слово)

Третий тип представляет собой слово с установкой на чужое слово, или двуголосое слово. В отличие от первых двух типов, оно по своей природе диалогично, поскольку включает в себя одновременно собственный голос говорящего и чужую интонацию. В таком слове происходит взаимодействие различных смысловых позиций, благодаря чему оно становится выражением внутреннего диалога между сознаниями. Бахтин выделяет три разновидности двуголосого слова: однонаправленное, разнонаправленное и активное.

К первой разновидности относится однонаправленное двуголосое слово, в котором оба голоса движутся в одном смысловом направлении. Его основными формами являются стилизация, рассказ рассказчика, необъектное слово героя и *Ich-Erzählung*. В этих случаях автор использует чужое слово, направляя его в соответствии со своим художественным замыслом. Так, говоря о стилизации, Бахтин отмечает: «Только слово первого типа может быть объектом стилизации. Чужой предметный замысел (художественно-предметный) стилизация заставляет служить своим целям, то есть своим новым замыслам» (Бахтин, 1963, с. 212). Подобным образом действует и рассказ рассказчика, где «чужая словесная манера используется автором как точка зрения, как позиция, необходимая ему для ведения рассказа» (Бахтин, 1963, с. 213). Несмотря на использование чужого слова, автор сохраняет над ним смысловой контроль, поскольку «авторский замысел пользуется чужим словом в направлении его собственных устремлений» (Бахтин, 1963, с. 216).

Вторая разновидность двуголосого слова представляет собой разнонаправленное двуголосое слово, где авторский голос вступает в противоречие с чужой речевой позицией. К этой группе относятся пародия, пародийный рассказ, пародийная *Ich-Erzählung*, а также слово пародийно-изображённого героя и различные формы передачи чужого слова с изменением акцента. В таких случаях чужое слово используется для выражения противоположной оценки или иронического отношения. По словам Бахтина, «слово становится ареною борьбы двух голосов» (1963, с. 216). Именно поэтому в пародии чужой стиль подвергается критическому переосмыслению, что создаёт внутреннее напряжение между голосами и усиливает диалогический характер речи.

Третью разновидность образует активный тип двуголосого слова, который характеризуется отражённым присутствием чужой речи. К его формам относятся скрытая внутренняя полемика, полемически окрашенная автобиография и исповедь, слово с оглядкой на чужое слово, реплика диалога и скрытый диалог. В этих случаях чужое слово не воспроизводится напрямую, но оказывает активное влияние на структуру высказывания. Как подчеркивает Бахтин, «в скрытой полемике авторское слово направлено на свой предмет, как и всякое иное слово, но при этом каждое утверждение о предмете строится так, чтобы помимо своего предметного смысла полемически ударить по чужому слову на ту же тему» (1963, с. 218). Такое слово невозможно понять вне контекста диалогического взаимодействия, поскольку его смысл формируется через реакцию на предполагаемое чужое высказывание.

Классификация слов в рассказе А.П. Чехова «Крыжовник»

В свете изложенных теоретических положений бахтинская концепция типов слова становится продуктивным инструментом для анализа художественной прозы. Поскольку слово в литературном тексте может быть направлено как на предмет, так и на чужое слово, повествование приобретает сложную диалогическую структуру. В таком контексте особый интерес представляет проза Чехова, где автор нередко строит повествование через взаимодействие различных голосов и точек зрения. Рассказ «Крыжовник» является одним из показательных примеров подобной организации художественной речи. Его композиция включает несколько уровней повествования, в которых слова персонажей не только передают информацию о событиях, но и вступают в различные формы смыслового взаимодействия.

Повествовательная структура рассказа строится вокруг рассказа Ивана Ивановича о судьбе своего брата Николая Ивановича, что уже предполагает наличие нескольких речевых перспектив. С одной стороны, в тексте присутствует авторская организация повествования, с другой, речь рассказчика, передающего собственную оценку описываемых событий, а также голос персонажа, становящегося объектом этого рассказа. Такое наложение различных речевых позиций позволяет проследить функционирование различных типов слова, выделенных Бахтиным: прямого слова, объектного слова персонажа и двуголосого слова. Рассмотрение этих типов в контексте рассказа «Крыжовник» позволяет выявить, каким образом формируется диалогическое пространство текста, где различные голоса сосуществуют, взаимодействуют и вступают в скрытую полемику, образуя сложную систему смысловых отношений.

Одноголосое слово

1) Прямое, непосредственно направленное на свой предмет слово, как выражение последней смысловой инстанции говорящего.

Прямое слово является высказыванием, полностью направленным на свой предмет. Оно выражает окончательную смысловую позицию говорящего и не предполагает взаимодействия с чужой речью. В отличие от объектного слова персонажа, здесь отсутствует второй речевой центр. Также оно отличается от двуголосого слова, поскольку не содержит внутреннего диалога или полемики с другим голосом. Поэтому его структура остается монологической и смыслово завершенной.

Прямое слово представляет собой полностью монологическую речь. Оно полностью направлено на свой предмет и говорит с позиции неоспоримого семантического авторитета. В этом виде высказывания нет двуголосия. Оно не отвечает, не инкорпорирует и не предвосхищает никакое чужое слово. Такие слова отмечены одним голосом, который завершает тон.

Например, *«Ещё с раннего утра всё небо обложили дождевые тучи; было тихо, не жарко и скучно, как бывает в серые пасмурные дни...»* (Чехов, Крыжовник).

Данное описательное вступление можно рассматривать как пример прямого слова. Рассказчик дает четкое и объектно ориентированное описание погодных условий и общей атмосферы повествования. Интонация остается нейтральной и повествовательной, а высказывание не содержит признаков диалогизации. В этом фрагменте речь полностью направлена на внешний предмет изображения и функционирует как монологическое повествовательное описание.

Например, *«Дом был большой, двухэтажный. Алехин жил внизу, в двух комнатах со сводами и с маленькими окнами, где когда-то жили приказчики...»* (Чехов, Крыжовник).

В этом фрагменте повествователь также выступает с позиции авторского наблюдения, последовательно описывая пространство и бытовую обстановку. Описание сохраняет нейтральный повествовательный характер и не предполагает взаимодействия с чужой речью. Поэтому данный пример можно рассматривать как типичное проявление прямого слова, полностью направленного на предмет изображения.

Таким образом, прямое слово выполняет функцию непосредственного описания и передачи информации в тексте. Оно формирует монологический слой повествования, в котором отсутствует столкновение различных голосов. Подобные высказывания создают устойчивый предметный фон, на котором позднее могут возникать более сложные диалогические формы речи.

II. Объектное слово

Второй тип слова, по Бахтину, определяется как объектное слово, то есть слово изображённого персонажа. В этом случае речь героя вводится в текст как самостоятельное высказывание и сохраняет собственную интонацию и точку зрения. Автор представляет такую речь как объект художественного изображения, а не как выражение своей собственной позиции. В отличие от прямого слова, которое выражает окончательную авторскую интенцию, объектное слово принадлежит персонажу и сохраняет относительную автономию внутри повествования. Одновременно оно отличается и от двуголосого слова, поскольку не содержит внутренней ориентации на чужую речь и не вступает в активное диалогическое столкновение с другими голосами. Таким образом, объектное слово выступает как отдельный речевой центр внутри художественного текста.

Примеры из рассказа:

«— В прошлый раз, когда мы были в сарае у старосты Прокофия, — сказал Буркин, — вы собирались рассказать какую-то историю.» (Чехов, Крыжовник).

«— Да, я хотел тогда рассказать про своего брата.» (Чехов, Крыжовник).

Это обычный пример прямой речи, где голоса Буркина и Ивана Ивановича отличаются от голоса рассказчика. Их высказывания представлены не как собственные мысли рассказчика, а как объективированные, социально и психологически мотивированные речевые акты, принадлежащие конкретным персонажам.

Это можно наблюдать на следующих примерах:

«— Пожалуйста, господа, в дом, — сказал он, улыбаясь.» (Чехов, Крыжовник).

«— Да, давно я уже не мылся, — говорил он, раздеваясь.» (Чехов, Крыжовник).

«— Ах, Боже мой... — говорил он. — Ах, Господи помилуй.» (Чехов, Крыжовник).

Это прямая речь персонажей, переданная с полной цитатой. Автор не сливается с голосами персонажей и не стилизует их. Речь принадлежит Алексину и Ивану Ивановичу. Их речь социально маркирована: интонация Алехина простонародная, наивная и вызывает ассоциации с идиомой, характерной для его социального положения («Да, давно я уже не мылся»). Высказывания Ивана Ивановича («Ах, Боже мой...») проистекают из эмоциональной непосредственности и выражают его внутреннее состояние.

В терминах Бахтина этот тип речи способствует разноречию, поскольку вводит голоса с четкой социально-идеологической позицией. Крестьянская речь Алехина и лирический регистр Ивана Ивановича отражают разные вербальные мировоззрения. Однако эти голоса пока функционируют как объекты повествовательного изображения и не вступают в активное диалогическое столкновение. Таким образом, объектное слово формирует в тексте дополнительный речевой центр, принадлежащий персонажу. Оно расширяет социальное и интонационное пространство повествования. Вместе с тем оно еще не образует сложной двуголосой структуры, которая возникает на следующем уровне диалогизации речи.

III. Слово с установкой на чужое слово (двуголосое слово).

В рассказе «Крыжовник» авторитетная и изображенная речь не идет непрерывно. Двуголосое слово возникает, когда автор сознательно вводит свой голос в чужую речь, не разрушая ее изнутри. Это условное слово, в котором действуют два вокальных центра как чужой, так и авторский. Помимо перечисленных типов слов, сами персонажи взаимодействуют между собой таким образом, что возникают другие типы слов, такие как стилизация, пародия, полемика, скрытый диалог и так далее. Все они относятся к третьему типу слов «слово с установкой на чужое слово». Этот третий тип слов включает в себя еще три подтипа, которые будут проанализированы далее в статье.

III. 1. Однонаправленное двуголосое слово

Однонаправленное двуголосое слово возникает в тех случаях, когда автор использует чужую речь, но её смысловое направление совпадает с его собственным замыслом. В таком слове два

голоса, авторский и чужой, не вступают в конфликт. Они движутся в одном смысловом направлении и создают частичное слияние интенций.

Подтип: Рассказ рассказчика

Рассказ рассказчика представляет собой форму однонаправленного двуголосого слова, в которой автор использует голос повествователя как посредника. При этом авторская интенция и точка зрения рассказчика движутся в одном смысловом направлении

Например, *«Теперь, в тихую погоду, когда вся природа казалась кроткой и задумчивой, Иван Иванович и Буркин были проникнуты любовью к этому полю и оба думали о том, как велика, как прекрасна эта страна.»* (Чехов, Крыжовник).

Это высказывание принадлежит рассказчику, но оно отражает эмоциональное состояние и точку зрения персонажей (особенно Ивана Ивановича и Буркина). Рассказчик говорит тоном, который сочетается с внутренними чувствами персонажей, стилизуя их задумчивое настроение. Таким образом, повествовательная интонация постепенно сближается с внутренним переживанием героев.

Оно не является полностью объективированным (как прямая речь персонажа). Это не чистое прямое слово рассказчика, поскольку оно включает в себя эмоциональное видение персонажа. Таким образом, оно отражает частичное слияние голосов, характерное для подтипа «рассказ рассказчика» однонаправленного двуголосого слова. Здесь голос рассказчика служит медиатором между авторским замыслом и внутренним миром персонажей.

Другие примеры из рассказа:

«Только когда в большой гостиной наверху зажгли лампу... только тогда Иван Иванович приступил к рассказу...» (Чехов, Крыжовник).

«Нас два брата, — начал он, — я, Иван Иванович, и другой — Николай Иванович...» (Чехов, Крыжовник).

Здесь начинается рассказ рассказчика. Композиционная замена авторского слова. Голос Ивана Ивановича вводится рассказчиком и остаётся в пределах рамочного повествования. Далее следует рассказ от первого лица, оформленный как стилизованное личное воспоминание. Таким образом, повествовательная структура создаёт переход от рамочного рассказчика к внутреннему голосу героя. Этот переход усиливает эффект двуголосия, но не разрушает единство смысловой направленности.

Этот способ повествования соответствует всем признакам однонаправленного двуголосого слова: автор перенимает речь другого, сохраняя его точку зрения. Но направление смысла совпадает с замыслом автора. Здесь нет иронии, пародии или полемики. Поэтому два голоса взаимодействуют не через конфликт, а через согласованность и смысловое совпадение. Именно это согласие интенций и определяет специфику однонаправленного двуголосого слова.

Подтип: Стилизация

Стилизация представляет собой форму однонаправленного двуголосия, в которой автор использует чужую речевую манеру, сохраняя её основные интонации. При этом смысловое направление чужого слова совпадает с авторским замыслом.

Например, *«Он чертил план своего имени... и всякий раз у него на плане выходило одно и то же: а) барский дом, б) людская, в) огород, г) крыжовник.»* (Чехов, Крыжовник).

Иван Иванович использует стилизацию взглядов своего брата, подчеркивая схемное, наивное мышление человека, одержимого собственностью. Стилизация носит сочувственный, даже слегка ироничный характер. Алфавитный список добавляет нотку пародии без враждебности. Таким образом, чужая речевая манера воспроизводится с сохранением её характерных черт, но включается в более широкий авторский контекст.

Это пример однонаправленного двуголосного слова: рассказчик использует чужую речь, но направляет ее в сторону своего собственного намерения, критического размышления о мелочном материализме. Здесь чужое слово сохраняет свою интонацию, однако служит выражению авторского понимания ситуации. Сосуществование двух голосов не является антагонистическим, что делает полифонию зарождающейся, но еще не реализованной. Однако разноречие ярко выражена, поскольку идеологии строгой бережливости, владения и социального восхождения тонко сталкиваются в форме и содержании. Тем самым стилизация демонстрирует согласованное взаимодействие двух голосов без открытого смыслового конфликта.

III. 2. Разнонаправленное двуголосое слово

Разнонаправленное двуголосое слово возникает тогда, когда автор использует чужую речь, но направляет её смысл в противоположную сторону. В таком слове два голоса сохраняют дистанцию и создают внутреннее смысловое напряжение.

Например, *«Мой брат тосковал в казенной палате... думал всё об одном и том же, как бы в деревню.»* (Чехов, Крыжовник).

Это можно истолковать как не совсем наивное. Чрезмерная идеализация *«всё сидел на одном месте, писал всё те же бумаги»* начинает граничить с карикатурой, особенно в сопоставлении с более ранним образом Алехина, грязного, неопрятного, живущего в крестьянском неудобстве. Это создает семантическое напряжение, разрыв между тем, что говорит Иван Иванович, и тем, что показывает рассказчик. В результате в высказывании начинают ощущаться два различно направленных смысловых голоса.

Если продолжать в этом направлении, такие высказывания могут стать разнонаправленными, поскольку мировоззрение автора может частично противоречить мировоззрению персонажа, пусть даже и незаметно. Здесь начинает проскальзывать полифония Бахтина. Независимые голоса со своим идеологическим весом начинают сосуществовать без полного примирения, хотя конфликт и остается лишь скрытым.

Подтип: Слово пародийно-изображенного героя / всякая передача чужого слова с переменной акцента.

Этот подтип возникает тогда, когда автор передаёт чужое слово, изменяя его смысловый акцент. В результате первоначальная позиция героя сохраняется, но одновременно подвергается ироническому или критическому переосмыслению.

Например, *«Он женился на старой, некрасивой вдове, без всякого чувства, а только потому, что у нее водились деньжонки.»* (Чехов, Крыжовник).

Голос Ивана Ивановича сообщает о поступке Николая, но интонация насыщена критикой. Это не нейтральный отчет. Это пародийная переформулировка, в которой исходный голос Николая подрывается акцентами и суждениями рассказчика. Таким образом, чужое слово сохраняется, но его смысловой центр смещается под влиянием авторской оценки.

Например, *«У второго мужа и хлеба черного не видала вдоволь... взяла и отдала Богу душу.»* (Чехов, Крыжовник).

Этот отрывок усиливает пародийный характер, превращая бережливость брата в гротескную моральную неудачу. Пародийный замысел ясен, но не полностью насмешливый: он раскрывает трагикомический диссонанс между личными идеалами и реальными последствиями. Здесь ироническая интонация формирует второй голос, который вступает в напряжённое отношение с первоначальным смыслом высказывания.

Таким образом, в данном случае наблюдается характерная форма разнонаправленного двуголосия:

- Два замысла сосуществуют, но противоположны друг другу;
- Рассказчик иронизирует, пусть и тонко, над моральной слепотой своего брата;
- Слово становится ареной конфликта в бахтинском смысле.

Здесь становится слышна полифония. Сосуществуют два непримиримых мировоззрения: мелочная мечта Николая и моральное осуждение Ивана Ивановича. Рассказчик не до конца закрывает этот спор. Именно это напряжённое сосуществование двух голосов и создаёт эффект разнонаправленного двуголосия.

III. 3. Активный тип (отраженное чужое слово).

Подтип: скрытый диалог / скрытая внутренняя полемика

Скрытый диалог возникает тогда, когда высказывание направлено на отсутствующее или подразумеваемое чужое слово. При этом собственное слово говорящего формируется в постоянной оглядке на возможное возражение или противоположную точку зрения.

Например, *«А вы знаете, кто хоть раз в жизни поймал ерша... тот уже не городской житель...»* (Чехов, Крыжовник).

Это высказывание сформулировано в утвердительной форме, но подразумевает скрытое противопоставление. Подразумевается образ городского жителя, который ценит бюрократию, цивилизацию или современность выше сельской жизни. Предложение построено так, чтобы нанести удар по отсутствующему собеседнику. Его почти афористическая форма отражает высказывание, которое полемически направлено против чужого слова. Поэтому даже без прямого ответа чужая позиция остаётся скрыто присутствующей в структуре высказывания.

Основные признаки данного высказывания:

- Интонационной интенсивности
- Неявного сопротивления
- Тематического контраста с городскими ценностями

Это яркий пример скрытой полемики, и поэтому относится к активному типу двуголосного слова. Здесь полифония реализуется содержательно — голос Ивана Ивановича не только существует, но и формируется невидимым присутствием другого, с которым он внутренне спорит. Это диалогизм в действии. Более того, эта скрытая полемика способствует гетероглоссии не только стилистически, но и идеологически: противоположные мировоззрения пересекаются в одном и том же высказывании. Следовательно, внутреннее напряжение между этими позициями и создаёт подлинную диалогическую многоголосность высказывания.

Подтип: Скрытая внутренняя полемика

Скрытая внутренняя полемика является глубоким примером активного двуголосия. Чужая позиция не воспроизводится прямо, но её предполагаемое присутствие определяет интонацию и смысл высказывания. Она проявляется, когда Иван Иванович переносит внимание внутрь себя.

Например, *«Но дело не в нем, а во мне самом. Я хочу вам рассказать, какая перемена произошла во мне...»* (Чехов, Крыжовник).

Здесь речь Ивана Ивановича принимает форму внутренней полемики. Она направлена не против своего брата как такового, а против системы ценностей, воплощённой в его преображении. Таким образом, высказывание направлено одновременно на предмет рассказа и на скрытое

опровержение чужой жизненной позиции. Кульминацией этого становится сцена с крыжовником.

Например, «...он не мог говорить от волнения, потом положил в рот одну ягоду... и сказал: — Как вкусно! ... — Ах, как вкусно! Ты попробуй!» (Чехов, Крыжовник).

Этот, казалось бы, уверенный восклицание «Ах, как вкусно!» становится двусмысленным высказыванием в понимании Бахтина. На первый взгляд оно звучит наивно, но благодаря формулировке Ивана Ивановича приобретает глубоко иронический и полемический характер. Тем самым чужое слово начинает звучать в новом смысловом освещении.

Мы, как читатели, приглашаемся услышать не только радость Николая Ивановича, но и моральную непристойность этой радости, основанной на эксплуатации, самообмане и фальшивом благородстве. Это то, что Бахтин называет двуголосое слово с внутренней полемикой. Слово, обращенное с прицелом на другое слово, которое становится объектом этического суждения. Чужое высказывание здесь не повторяется напрямую, но постоянно подразумевается внутри авторской речи.

Здесь сходятся полифония и гетероглоссия: феодальная идиома Николая, выраженная с детской радостью, преломляется через моральные муки Ивана Ивановича, создавая диалогическое поле битвы противоречивых ценностей. В результате формируется напряжённое пространство внутреннего диалога между различными идеологическими позициями.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что рассказ Чехова «Крыжовник» можно рассматривать через теоретическую рамку Бахтина. Использование бахтинской классификации типов слова позволяет выявить сложную речевую организацию текста и показать, как в повествовании взаимодействуют различные голосовые позиции. Прямое слово в рассказе выполняет описательную и композиционную функцию. Оно создает нейтральную повествовательную основу и направлено непосредственно на предмет изображения. Такие высказывания формируют пространственную и эмоциональную обстановку повествования и задают объективную перспективу рассказчика.

Объектное слово вводит в текст голоса персонажей. Через прямую речь Буркина, Алехина и Ивана Ивановича в повествование включаются различные социальные и психологические позиции. Эти голоса имеют собственную интонацию и выражают разные формы жизненного опыта. Благодаря этому повествование приобретает черты разноречия и отражает разнообразие социальных мировоззрений.

Наиболее значимую роль в структуре рассказа играет двуголосое слово. Именно оно формирует внутреннюю диалогическую напряженность текста. В повествовании Ивана Ивановича проявляются различные формы двуголосия. Однонаправленные формы передают точку зрения

персонажа через речь рассказчика. Разнонаправленные формы создают ироническое или критическое дистанцирование. Активные формы двуголосия проявляются в скрытой полемике и внутреннем диалоге. Эти формы речи создают полифоническую структуру рассказа. Голоса персонажей сохраняют относительную самостоятельность и не сводятся к единой авторской позиции. Читатель сталкивается с несколькими идеологическими перспективами. Они сосуществуют и вступают в сложные отношения согласия, сомнения и скрытого конфликта.

Таким образом, рассказ «Крыжовник» представляет собой не только моральное повествование о человеческом счастье и самообмане. Он выступает как пространство диалогического взаимодействия различных голосов. В этом взаимодействии формируется смысл произведения. Именно такая организация речи подтверждает центральное положение диалогизма и полифонии в художественной поэтике Чехова и демонстрирует продуктивность бахтинского подхода к анализу литературного текста.

Список литературы

Бахтин, М. М. (1963). Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советский писатель.

Бахтин, М. М. (1975). Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература.

Бахтин, М. М. (1979). Эстетика словесного творчества. Москва: Рипол Классик.

Чехов, А. П. Крыжовник. Доступно: <https://ilibrary.ru/text/460/p.1/c.4301/index.html> (дата обращения: май 2025).